

В. БИАНКИ

СИНИЧКИН КАЛЕНДАРЬ

ДЕТГИЗ 1950

Б 59

В. БИАНКИ

СИНИЧКИН КАЛЕНДАРЬ

рисунки
Г. НИКОЛЬСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

ЯНВАРЬ

Зинька была молодая синичка, и своего гнезда у неё не было. Целый день она перелетала с места на место, прыгала по заборам, по ветвям, по крышам — синицы народ бойкий. А к вечеру присмотрит себе пустое дупло или щёлку какую под крышей, забьётся ту-

да, распушит попышней свои пёрышки — кое-как и переспит ночьку.

Но раз — среди зимы — посчастливилось ей найти свободное воробьиное гнездо. Помещалось оно над окном за оконницей. Внутри была целая перина мягкого пуха. И в первый раз, как вылетела из родного гнезда, Зинька заснула в тепле и покое.

Вдруг ночью её разбудил сильный шум. Шумели в доме, из окна бил яркий свет.

Синичка испугалась, выскочила из гнезда и, уцепившись коготками за раму, глянула в окно.

Там в комнате стояла большая — под самый потолок — ёлка, вся в огнях, и в снегу, и в игрушках. Вокруг неё прыгали и кричали дети.

Зинька никогда раньше не видела, чтобы люди так вели себя по ночам. Ведь она родилась только прошлым летом и многого ещё на свете не знала.

Заснула она далеко за полночь, ко-

гда люди в доме наконец успокоились и свет погас в окне.

А утром Зиньку разбудил весёлый, громкий крик воробьёв. Она вылетела из гнезда и спросила их:

— Вы что, воробьи, раскричались? И люди сегодня всю ночь шумели, спать не давали. Что такое случилось?

— Как? — удивились воробьи. — Разве ты не знаешь, какой сегодня день? Ведь сегодня Новый год, вот все и радуются — и люди и мы.

— Как это — Новый год? — не поняла синичка.

— Ах ты, желторотая! — зачирикали воробьи. — Да ведь это самый большой праздник в году! Солнце возвращается к нам и начинает свой календарь. Сегодня первый день января.

— А что это „январь“, „календарь“?

— Фу, какая ты ещё маленькая! — возмутился воробьи. — Календарь — это расписание работы солнышка на весь год. Год состоит из месяцев, и январь — его первый месяц, носик года. За ним идут ещё десять месяцев — столько, сколько у тебя пальцев на лапках: февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь. А самый последний месяц, двенадцатый, хвостик года — декабрь. Запомнила?

— Не-ет, — сказала синичка. — Где же

сразу столько запомнить! „Носик“, „десять пальцев“ и „хвостик“ запомнила. А называются они все уж больно мудрёно.

— Слушай меня, — сказал тогда Старый Воробей. — Ты летай себе по садам, полям и лесам, летай да присматривайся, что кругом делается. А как услышишь, что месяц кончается, прилетай ко мне. Я тут живу, на этом доме под крышей. Я буду тебе говорить, как каждый месяц называется. Ты все их по очереди и запомнишь.

— Вот спасибо! — обрадовалась Зинька. — Непременно буду прилетать к тебе каждый месяц. До свиданья!

И она полетела и летала целых тридцать дней, а на тридцать первый вернулась и рассказала Старому Воробью всё,

что заметила. И Старый Воробей сказал ей:

— Ну вот, запомни: январь — первый месяц года — начинается с весёлой ёлки у ребят. Солнце с каждым днём понемножку начинает вставать раньше и ложиться позже. Свету день ото дня прибывает, а мороз всё крепчает. Небо всё в тучах. А когда проглянет солнышко, тебе, синичке, хочется петь. И ты тихонько пробуешь голос: „Зинь-зинь-тю! Зинь-зинь-тю!“

ФЕВРАЛЬ

Опять выглянуло солнышко, да такое весёлое, яркое! Оно даже пригревало немножко, с крыш повисли сосульки, и по ним заструилась вода.

„Вот и весна начинается“, решила Зинька. Обрадовалась и запела звонко:

— Зинь-зинь-тан! Зинь-зинь-тан!
Скинь кафтан!

— Рано, пташечка, запела, — сказал ей Старый Воробей. — Смотри ещё, сколько морозу будет. Ещё наплачемся.

— Ну да! — не поверила синичка. — Полечу-ка нынче в лес, узнаю, какие там новости.

И полетела.

В лесу ей очень понравилось: такое множество деревьев! Ничего, что все ветки залеплены снегом, а на широких лапах ёлок навалены целые сугробики. Это даже очень красиво. А прыгнешь

на ветку — снег так и сыплется и сверкает разноцветными искрами.

Зинька прыгала по веткам, страхиwала с них снег и осматривала кору. Глазок у неё острый, бойкий — ни одной трещинки не пропустит. Зинька тюк острым носиком в трещинку, раздолбит дырочку пошире — и тащит изпод коры каного-нибудь насекомышабукарашку. Много насекомых набивается на зиму под кору — от холода. Вытащит и съест. Так кормится. А сама примечает, что кругом.

Смотрит: лесная мышь из-под снега выскочила. Дрожит, вся взъерошилась.

— Ты чего? — Зинька спрашивает.

— Фу, напугалась! — говорит лесная мышь.

Отдышалась и рассказывает:

— Бегала я в куче хвороста под снегом да вдруг и провалилась в глубокую яму. А это, оказывается, медведицына берлога. Лежит в ней медведица, и два махоньких новорождённых медвежонка у неё. Хорошо, что они крепко спали, меня не заметили.

Полетела Зинька дальше в лес — дятла встретила, красношапочника. Подружилась с ним. Он своим крепким, гранёным носом большие куски коры ломает, жирных личинок достаёт. Синичке за ним тоже кое-что перепадает.

Летает Зинька за дятлом, весёлым колокольчиком звенит по лесу:

— Каждый день всё светлей, всё веселей, всё веселей!

Вдруг зашипело вокруг, побежала по

лесу позёмка, загудел лес, и стало в нём темно, как вечером. Откуда ни возьмись, налетел ветер, деревья закачались, полетели сугробики с еловых лап, снег посыпал, завился — началась пурга. Зинька присмирела, сжалась в комочек, а ветер так и рвёт её с ветки, перья ерошит и леденит под ними голое тельце.

Хорошо, дятел пустил её в своё запасное дупло, а то пропала бы синичка.

День и ночь бушевала пурга, а когда улеглась и Зинька выглянула из дупла, она не узнала леса: так он весь был залеплен снегом. Голодные волки промелькнули между деревьями, увязая по брюхо в рыхлом снегу. Внизу под деревьями валялись обломанные ветром сучья, чёрные, с содранной корой.

Зинька слетела на один из них — поискать под корой насекомышей.

Вдруг из-под снега — зверь! Выпрыгнул и сел. Сам весь белый, уши с чёр-

ными точками держит торчком. Сидит столбиком, глаза на Зиньку выпучил.

У Зиньки от страха и крылышки отнялись.

— Ты кто? — пискнула.

— Я беляк. Заяц я. А ты кто?

— Ах, заяц! — обрадовалась Зинька. — Тогда я тебя не боюсь. Я синичка.

Она хоть раньше зайцев в глаза не

видала, но слышала, что они птиц не едят и сами всех боятся.

— Ты тут и живёшь, на земле? — спросила Зинька.

— Тут и живу.

— Да ведь тебя тут совсем занесёт снегом!

— А я и рад. Пурга все следы замела и меня занесла — вот волки рядом пробежали, а меня не нашли.

Подружилась Зинька и с зайцем.

Так и прожила в лесу целый месяц, и всё было: то снег, то пурга, а то и солнышко выглянет, денёк простоят погожий, а всё равно холодно.

Прилетела к Старому Воробью, сказала ему всё, что заметила, он и говорит:

— Запоминай: вьюги да метели под февраль полетели. В феврале лютуют волки, а у медведицы в берлоге медвежатки родятся. Солнышко веселей светит и дольше, а морозы ещё крепкие. А теперь лети в поле.

МАРТ

Полетела Зинька в поле.

Синичке ведь где хочешь жить можно: были бы хоть кустики, а уж она себя прокормит.

В поле, в кустах, жили серые куропатки — красивые такие полевые курочки с шоколадной подковкой на

груди. Целая стая их тут жила, зёрна из-под снега выкапывала.

— А где же тут спать? — спросила у них Зинька.

— А ты делай, как мы, — говорят куропатки. — Вот гляди.

Поднялись все на крылья, разлетелись пошибче — да бух с разлёту в снег!

Снег сыпучий — обсыпался и прикрыл их. И сверху их никто не увидит, и тепло им там, на земле, под снегом.

„Ну нет, — думает Зинька, — синички так не умеют. Поищу себе получше ночлега“.

Нашла в кустах кем-то брошенную плетёную корзиночку, забралась в неё, да и заснула там.

И хорошо, что так сделала.

День-то простоял солнечный. Снег наверху подтаял, рыхлый стал, а ночью мороз ударил.

Утром проснулась Зинька, ищет — где же куропатки? Нигде их не видно.

А там, где они вечером в снег нырнули, наст блестит — ледяная корка.

Поняла Зинька, в какую беду попали куропатки: сидят теперь, как в тюрьме, под ледяной крышей и выйти не могут. Пропадут там под ней все до одной! Что тут делать?

Да ведь синички — боевой народ.

Зинька слетела на наст — и давай долбить его крепким своим, острым носком. И продолбила — большую дырку

684690

Российский государственный
детский библиотечка

ВНИМАНИЕ!
Эта книга
не читается

45-2-25

сделала. И выпустила куропаток из тюрьмы.

Вот уж они её хвалили, вот благодарили!

Натаскали ей зёрен, семечек разных.

— Живи с нами, никуда не улетай!

Она и жила. А солнце день ото дня ярче, день ото дня жарче. Тает, тает в поле снег. И уж так его мало осталось, что больше не ночевать в нём куропаткам: мелок стал. Перебрались куропатки в кустарник спать, под Зинькиной корзинкой.

И вот наконец в поле на пригорках показалась земля. И как же все ей обрадовались!

Тут не прошло и трёх дней — откуда ни возьмись, уж сидят на проталинах чёрные, с белыми носами грачи. Здравствуйте! С прибытием!

Ходят важные, тугим пером поблёскивают, носами землю ковыряют — червяков да личинок из неё потаскивают.

А скоро за ними и жаворонки и скворцы прилетели, песнями залились. Зинька с радости звенит-захлёбывается:

— Зинь-зинь-на! Зинь-зинь-на! К нам весна! К нам весна! К нам весна!

Так с этой песенкой и прилетела к Старому Воробью. И он ей сказал:

— Да. Это месяц март. Прилетели грачи — значит, правда весна началась. Весна начинается в поле. Теперь лети на реку.

АПРЕЛЬ

Полетела Зинька на реку.

Летит над полем, летит над лугом, слышит: всюду ручьи поют. Поют ручьи, бегут ручьи — все к реке собираются.

Прилетела на реку, а река страшная: лёд на ней посинел, у берегов вода выступает.

Видит Зинька: что ни день, то больше ручьёв бежит к реке. Пробежится

ручей по овражку незаметно под снегом и с берега прыг в реку! И скоро многое множество ручьёв, ручейков и ручьишек набилось в реку — под лёд попрятались.

Тут прилетела тоненькая чёрно-белая птичка, бегаёт по берегу, длинным хвостиком покачивает, пищит:

— Пи-ли́к! Пи-ли́к!

— Ты что пищишь? — спрашивает Зинька. — Что хвостиком размахиваешь?

— Пи-лик! — отвечает тоненькая птичка. — Разве ты не знаешь, как меня зовут? Ледоломка. Вот сейчас раскачаю хвост да как тресну им по льду, так лёд и лопнет, и река пойдёт.

— Ну да! — не поверила Зинька. — Хвастаешь.

— Ах, так! — говорит тоненькая птичка. — Пи-лик!

И давай ещё пуще хвостик раскачивать.

Тут вдруг как бухнет где-то вверху по реке, будто из пушки! Ледоломка порх — и с перепугу так крылышками

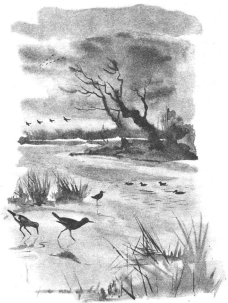
замахала, что в одну минуту из глаз пропала.

И видит Зинька: треснул лёд, как стекло. Это ручьи — все, что набежали в реку, — как понатужились, нажали снизу — лёд и лопнул. Лопнул и распался на льдины, большие и малые.

Река пошла. Пошла и пошла — и уж никому её не остановить. Закачались на ней льдины, поплыли, бегут, друг друга кружат, а кто сбоку, тех на берег выталкивают.

Тут сейчас же и всякая водяная птица налетела, точно где-то здесь, рядом, за углом, ждала: утки, чайки, кулики-долгоножки. И глядь — Ледоломка вернулась, по берегу ножонками семенит, хвостом качает. Все пищат, кричат, веселятся. Кто рыбку ловит, ныряет за ней в воду, кто носом в тину тыкает, ищет там что-то, кто мушек над берегом ловит.

— Зинь-зинь-хо! Зинь-зинь-хо! Ледоход, ледоход! — запела Зинька.

И полетела рассказать Старому Воробью, что видела на реке.

И Старый Воробей сказал ей:

— Вот видишь — сперва весна приходит в поле, а потом на реку. Запомни: месяц, в который у нас реки освобождаются от льда, называется апрель. А теперь лети-ка опять в лес: увидишь, что там будет.

И Зинька скорей полетела в лес.

МАЯ

В лесу ещё было полно снегу. Он спрятался под кустами и деревьями, и солнцу трудно было достать его там.

В поле давно уже зеленела посеянная с осени рожь, а лес всё ещё стоял голый.

Но уже было в нём весело, не то что зимой. Налетело много разных птиц, и все они порхали между деревьями, прыгали по земле и пели, пели на ветках, на макушках и в воздухе.

Солнце теперь вставало очень рано, ложилось поздно и так усердно светило всем на земле и так грело, что жить стало легко. Синичке больше не надо было заботиться о ночлеге: найдёт свободное дупло — хорошо, не найдёт — и так переночует где-нибудь на ветке или в чаще.

И вот раз вечером ей показалось, будто лес в тумане. Лёгкий зеленоватый туман окутал все берёзы, осины, ольхи. А когда на следующий день над лесом поднялось солнце, на каждой бе-

рѐзе, на всякой веточке показались, точно маленькие зелёные пальчики: это стали распускаться листья.

Тут и начался лесной праздник.

Засвистал, защёлкал в кустах соловей.

В каждой луже урчали и квакали лягушки.

Цвели деревья и ландыши. Майские жуки с гуденьем носились между ветвями. Бабочки порхали с цветка на цветок. Звонко куковала кукушка.

Друг Зиньки — дятел-красношапочник — и тот не тужил, что не умеет петь: отыщет сучок посуше и так лихо барабанит по нему носом, что по всему лесу слышна звонкая барабанная дробь.

А дикие голуби поднимались высоко над лесом и проделывали в воздухе головокружительные фокусы и мёртвые петли. Каждый веселился на свой лад, кто как умел.

Зиньке всё было любопытно, Зинька

всюду попевала и радовалась вместе со всеми.

По утрам на заре слышала Зинька чьи-то громогласные крики, будто в трубы кто-то трубил где-то за лесом.

Полетела она в ту сторону и вот видит: болото, мох да мох, и сосенки на нём растут. И ходят на болоте такие большие птицы, каких никогда ещё Зинька не видела, — прямо с баранов ростом, и шеи у них долгие-долгие.

Вдруг подняли они свои шеи, как трубы, да как затрубят, как загремят:

— Тррру-рру-у! Тррру-рру!

Совсем оглушили синичку.

Потом один растопырил крылья и пушистый свой хвост, поклонился до земли соседям да вдруг и пошёл в пляс: засеменил, засеменил ногами и пошёл по кругу, всё по кругу; то одну ногу выкинет, то другую, то поклонится, то подпрыгнет, то вприсядку пойдёт — умора! А другие на него смотрят, со-

брались кругом, крыльями враз хлопают.

Не у кого было Зиньке спросить в лесу, что это за птицы-великаны, и полетела она в город к своему Старому Воробью.

И Старый Воробей сказал ей:

— Это журавли. Птицы серьёзные, почтенные, а сейчас видишь что выделывают. Потому это, что пришёл весёлый месяц май, и лес оделся, и все цветы цветут, и все пташки поют. Солнце теперь всех обогрело и светлую всем радость дало.

ИЮНЬ

Решила Зинька:

„Полечу-ка я нынче по всем местам: и в лес, и в поле, и на реку... Всё осмотрю“.

Первым делом наведальась к старому другу своему — дятлу-красношапочнику.

А он как увидел её издали, так и закричал:

— Кик! Кик! Прочь, прочь! Тут мои владения!

Очень удивилась Зинька. И крепко на дятла обиделась: вот тебе и друг!

Вспомнила о полевых куропатках, серых, с шоколадной подковкой на груди.

Прилетела к ним в поле, ищет куропаток — нет их на старом месте! А ведь целая стая была. Куда все подевались?

Летала-летала по полю, искала-искала,

насилу одного петушка нашла: сидит во ржи — а рожь уже высокая, — кричит:

— Чир-вик! Чир-вик!

Зинька к нему. А он ей:

— Чир-вик! Чир-вик! Чичире! Пошла, пошла отсюда!

— Как так! — рассердилась синичка. — Давно ли я всех вас от смерти спасла — из ледяной тюрьмы выпустила, а теперь ты меня и близко к себе не пускаешь?

— Чир-вир! — смутился куропачий петушок. — Правда, от смерти спасла. Мы это все помним. А всё-таки лети ты от меня подальше: теперь время другое, мне вот как драться хочется!

Хорошо, у птиц слёз нет, а то, наверно, заплакала бы Зинька: уж так ей обидно, так горько стало!

Повернулась молча, полетела на реку.

Летит над кустами, вдруг из кустов серый зверь!

Зинька так и шарахнулась в сторону.

— Не узнала? — смеётся зверь. —
Ведь мы с тобой старые друзья.

— А ты кто? — спрашивает Зинька.

— Заяц я. Беляк.

— Какой же ты беляк, когда ты весь
серый? Я помню беляка: он весь бе-
лый, только на ушках чёрное.

— Это я зимой белый: чтобы на
снегу меня видно не было. А летом я
серый.

Ну, и разговорились. Ничего, с ним
не ссорились.

А потом Старый Воробей и объяснил Зиньке:

— Это месяц июнь — начало лета. У всех нас, у птиц, в это время гнёзда, а в гнёздах — драгоценные яички и птенчики. К своим гнёздам мы никого не подпускаем — ни врага, ни друга. И друг может нечаянно разбить яичко. У зверей тоже детёныши, звери тоже никого к своей норе не подпустят. Один заяц без забот: растерял своих детишек по всему лесу и думать о них забыл. Да ведь зайчаткам мать-зайчиха нужна только в первые дни: попьют они материнское молочко несколько дней, а потом сами травку зубрят. Теперь, — прибавил Старый Воробей, — солнце в самой силе, и самый длинный у него трудовой день. Теперь на земле все найдут, чем набить своим малышам животики.

ИЮЛЬ

— С новогодней ёлки, — сказал Старый Воробей, — прошло уже шесть месяцев, ровно полгода. Запомни, что второе полугодие начинается в самый разгар лета. А пошёл теперь месяц июль. А это самый хороший месяц и для птенцов и для зверят, потому что кругом всего очень много — и солнечного света, и тепла, и разной вкусной еды.

— Спасибо, — сказала Зинька.

И полетела.

„Пора мне остепениться, — подумала она. — Дупел в лесу много. Займу, какое мне понравится свободное, и заживу в нём своим домком!“

Задумать-то задумала, да не так просто оказалось это сделать.

Все дупла в лесу заняты. Во всех гнёздах птенцы. У кого ещё крохотки, голенькие, у кого в пушку, а у кого и в пёрышках, да всё равно желторотые, целый день пищат, есть просят.

Родители хлопчут, взад-вперёд летают, ловят мух, комаров, ловят бабочек, собирают гусениц-червячков, а сами не едят: всё птенцам носят. И ничего: не жалуются, ещё песни поют.

Скучно Зиньке одной.

„Дай, — думает, — я помогу кому-нибудь птенчиков покормить. Мне спасибо скажут“.

Нашла на ели бабочку, схватила её в клюв, ищет, кому бы дать.

Слышит — на дубу пищат маленькие щеглята, там их гнездо на ветке.

Зинька скорей туда и сунула бабочку одному щеглёнку в разинутый рот.

Щеглёнок глотнул, а бабочка не лезет: велика больно.

Глупый птенчик старается, давится — ничего не выходит. И стал уж задыхаться. Зинь-

ка с испугу кричит, не знает, что делать.

Тут щеглиха прилетела. Сейчас — раз! — ухватила бабочку, вытащила у щеглёнка из горла и прочь бросила.

А Зиньке говорит:

— Марш отсюда! Ты чуть моего птенчика не погубила. Разве можно давать маленькому целую бабочку? Даже крылья ей не оторвала!

Зинька кинулась в чашу, там спряталась: и стыдно ей и обидно.

Потом много дней по лесу летала — нет, никто её в компанию к себе не принимает!

А что ни день, то больше в лес приходит ребят. Все с корзиночками, весёлые; идут — песни поют, а потом разойдутся и ягоды собирают: и в рот и в корзиночки. Уже малина поспела.

Зинька всё около них вертится, с ветки на ветку перелетает, и веселей синичке с ребятами, хоть она их языка не понимает, а они её.

И случилось раз: одна маленькая девочка забралась в малинник, идёт тихонько, ягоды берёт.

А Зинька над ней по деревьям порхает. И вдруг видит: большой, страшный медведь в малиннике.

Девочка как раз к нему подходит, его не видит.

И он её не видит: тоже ягоды собирает. Нагнёт лапой куст — и себе в рот.

„Вот сейчас, — думает Зинька, — наткнётся на него девочка — страшилище это её и съест! Спасти, спасти её надо!“

И закричала с дерева по-своему, по-синичьему:

— Зинь-зинь-вень! Девочка, девочка! Тут медведь! Убегай!

Девочка и внимания на неё не обратила: ни слова не поняла.

А медведь-страшилище понял: разом поднялся на дыбы, оглядывается — где девочка?

„Ну, — решила Зинька, — пропала маленькая!“

А медведь увидел девочку, опустился на все четыре лапы — да как кинется от неё наутёк через кусты!

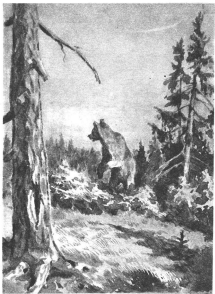
Вот удивилась Зинька:

„Хотела девочку от медведя спасти, а спасла медведя от девочки! Такое страшилище, а маленького человечка бонятся!“

С тех пор, встречая ребят в лесу, синичка пела им звонкую песенку:

Зинь-зани-ле! Зани-зинь-ле!
Кто пораньше встаёт,
Тот грибы себе берёт,
А сонливый да ленивый
Идут после за крапивой.

Эта маленькая девочка, от которой убежал медведь, всегда приходила в лес первая и уходила из лесу с полной корзиной.

АВГУСТ

— После июля, — сказал Старый Воробей, — идёт август. Третий — и, заметь себе это, последний — месяц лета.

— Август, — повторила Зинька.

И принялась думать, что ей в этом месяце делать.

Ну, да ведь она была синичка, а синички долго на одном месте усидеть не могут. Им бы всё порхать да скакать, по веткам лазить то вверх, то вниз головой. Много так не надумаешь.

Пожила немножко в городе — скучно. И сама не заметила, как опять очутилась в лесу.

Очутилась в лесу и удивляется: что там со всеми птицами сделалось?

Только что все гнали её, близко к себе и к своим птенцам не подпускали, а теперь только и слышит: „Зинька, лети к нам!“, „Зинька, сюда!“, „Зинька, полетай с нами!“, „Зинька, Зинька, Зинька!“

Смотрит — все гнёзда пустые, все дупла свободные, все птенцы выросли и летать научились. Дети и родители все вместе живут, так выводками и летают, а уж на месте никто не сидит, и гнёзда им больше не нужны. И гостье все рады: веселей в компании-то кочевать.

Зинька то к одним пристанет, то к другим; один день с хохлатыми синичками проведёт, другой — с гаечками-пухлячками. Беззаботно живёт: тепло, светло, еды сколько хочешь.

И вот удивилась Зинька, когда белку встретила и разговорилась с ней.

Смотрит — белка с дерева на землю спустилась и что-то ищет там в траве. Нашла гриб, схватила его в зубы и марш с ним назад на дерево. Нашла там сучочек острый, ткнула на него гриб, а есть не ест его: поскакала дальше и опять на землю — грибы искать.

Зинька подлетела к ней и спрашивает:

— Что ты, белочка, делаешь? Зачем не ешь грибы, а на сучки их накалываешь?

— Как зачем? — отвечает белка. — Впрок собираю, сушу в запас. Зима придёт — пропадёшь без запаса.

Стала тут Зинька примечать: не только белки — многие зверюшки запасы себе собирают. Мышки, полёвки, хомяки с поля зёрна за щеками таскают в свои норки, набивают там свои кладовочки.

Начала и Зинька кое-что припрятывать на чёрный день: найдёт вкусные семечки, поклюёт их, а что лишнее — сунет куда-нибудь в кору, в щёлочку.

Соловей это увидел и смеётся:

— Ты что же, синичка, на всю долгую зиму хочешь запасы сделать? Эдак тебе тоже нору копать впору.

Зинька смутилась.

— А ты как же, — спрашивает, — зимой думаешь?

— Фьють! — свистнул соловей. — Придёт осень — я отсюда улечу. Далеко-далеко улечу, туда, где и зимой тепло и розы цветут. Там сытно, как здесь летом.

— Да ведь ты соловей, — говорит Зинька, — тебе что: сегодня здесь спел, а завтра — там. А я синичка. Я где родилась, там всю жизнь и проживу.

А про себя подумала:

„Пора, пора мне о своём домке подумать! Вот уж и люди в поле вышли — убирают хлеб, увозят с поля. Кончается лето, кончается...“

СЕНТЯБРЬ

— А теперь какой месяц будет? — спросила Зинька у Старого Воробья.

— Теперь будет сентябрь, — сказал Старый Воробей. — Первый месяц осени.

И правда: уж не так стало жечь солнце, дни стали заметно короче, ночи — длиннее, и всё чаще стали лить дожди.

Первым делом осень пришла в поле. Зинька видела, как день за днём люди свозили хлеб с поля в деревню, из деревни — в город. Скоро совсем опустело

поле, и ветер гулял в нём на просторе. Потом раз вечером ветер улёгся, тучи разошлись с неба. Утром Зинька не узнала поля: всё оно было в серебре, и тонкие-тонкие серебряные ниточки плыли над ним по воздуху. Одна такая ниточка, с крошечным шариком на конце, опустилась на куст рядом с Зинькой. Шарик оказался паучком, и синичка недолго думая клюнула его и проглотила. Очень вкусно! Только нос весь в паутине.

А серебряные нити-паутинки тихонько плыли над полем, опускались на

жнитво, на кусты, на лес: молодые паучки рассеялись так по всей земле. Покинув свою летательную паутинку, паучки отыскивали себе щёлочку в коре или норку в земле и прятались в неё до весны.

А в лесу уже начал желтеть, краснеть, буреть лист. Уже птичьи семьи-выводки собирались в стайки, стайки — в стан. Кочевали всё шире по лесу — готовились в отлёт.

То и дело откуда-то неожиданно появлялись стан совсем незнакомых Зиньке птиц — долгоногих пёстрых куликов, невиданных уток. Они останавливались на речке, на болотах; день покормятся, отдохнут, а ночью летят дальше — в ту сторону, где солнце бывает в полдень. Это пролетали с далёкого севера стан болотных и водяных птиц.

Раз Зинька повстречала в кустах среди поля весёлую стайку таких же, как она сама, синиц: белощёкие, с жёлтой грудкой и длинным чёрным галстуком

до самого хвостика. Стайка перелетала поем из леска в лесок.

Не успела Зинька познакомиться с ними, вдруг из-под кустов с шумом и криком взлетел большой выводок полевых куропаток. Раздался короткий страшный гром — и синичка, сидевшая рядом с Зинькой, не пискнув, свалилась на землю. А дальше две куропатки, перевернувшись в воздухе через голову, замертво ударились в землю. Зинька до того перепугалась, что осталась сидеть, где сидела, ни жива ни мертва.

Когда она пришла в себя, около неё никого не было — ни куропаток, ни синиц.

Подошёл бородатый человек с ружьём, поднял двух убитых куропаток и громко крикнул:

— Ау! Манюня!

С опушки леса ответил ему тоненький голосок, и скоро к бородатому подбежала маленькая девочка. Зинька

узнала её: та самая, что напугала в малиннике медведя. Сейчас у неё была в руках полная корзинка грибов.

Пробегая мимо куста, она увидела на земле упавшую с ветки синичку, остановилась, наклонилась, взяла её в руки. Зинька сидела не шевелясь.

Девочка что-то сказала отцу, отец дал ей фляжку, и Манюня спрыснула из неё водой синичку. Синичка открыла глаза, вдруг вспорхнула — и забилась в куст рядом с Зинькой.

Манюня весело засмеялась и вприпрыжку побежала за уходящим отцом.

ОКТЯБРЬ

— Скорей, скорей! — торопила Зинька Старого Воробья. — Скажи мне, какой наступает месяц, и я полечу назад в лес: там у меня больной товарищ.

И она рассказала Старому Воробью, как бородатый охотник сшиб с ветки

сидевшую рядом с ней синичку, а девочка Манюня sprыснула водой и оживила её.

Узнав, что новый месяц, второй месяц осени, называется октябрь, Зинька живо вернулась в лес.

Её товарища звали Зинзивер. После удара дробинкой крылышки и лапки ещё плохо повиновались ему. Он с трудом долетел до опушки. Тут Зинька отыскала ему хорошенькое дуплишко и стала таскать туда для него червячков-гусениц, как для маленького. А он был совсем не маленький: ему было уже два года, и, значит, он был на целый год старше Зиньки.

Через несколько дней он совсем поправился. Стайка, с которой он летал, куда-то исчезла, и Зинзивер остался жить с Зинькой. Они очень подружались.

А осень пришла уже и в лес. Сперва, когда все листья раскрасились в яркие цвета, он был очень красив. Потом подул сердитые ветры. Они сдирали жёлтые, красные, бурые листья с веток, носили их по воздуху и швыряли на землю.

Скоро лес поредел, ветки обнажились, а земля под ними покрылась разноцветными листьями.

Пролетели с далёкого севера, из тундр, последние стаи болотных птиц. Теперь каждый день прибывали новые гости из северных лесов: там уже началась зима.

Не всё и в октябре дули сердитые ветры, не всё лили дожди: выдавались и погожие, сухие и ясные дни. Не жаркое солнышко светило приветливо, прощаясь с засыпающим лесом. Потемневшие на земле листья тогда высыхали, становились жёсткими и хрупкими. Ещё кое-где из-под них выглядывали грибы — грузди, маслята. Но хорошую девочку

Манюню Зинька и Зинзивер больше уж не встречали в лесу.

Синнички любили спускаться на землю, прыгать по листьям — искать улиток на грибах.

Раз они подскочили так к маленькому грибу, который рос между корнями белого берёзового пня. Вдруг по другую сторону пня вскочил серый, с белыми пятнами зверь.

Зинька пустилась было наутёк, а Зинзивер рассердился и крикнул:

— Пинь-пинь-черр! Ты кто такой?
Он был очень храбрый и улетал от врага, только когда враг на него кидался.

— Фу! — сказал серый пятнистый зверь, кося глазами и весь дрожа. — Как вы с Зинькой меня напугали! Нельзя же так топтать по сухим, хрустким листьям! Я думал, что лиса бежит или волк. Я же заяц, беляк я.

— Неправда! — крикнула ему с дерева Зинька. — Беляк летом серый, зимой белый, я знаю. А ты какой-то полубелый.

— Так ведь сейчас ни лето, ни зима. И я ни серый, ни белый. — И заяц захныкал: — Вот сижу у берёзового пенька, дрожу, шевельнуться боюсь: снегу ещё нет, а у меня уж клочья белой шерсти лезут. Земля чёрная. Побегу по ней днём — сейчас меня все увидят. И так ужасно хрустят сухие листья! Как тихонько ни крадись, прямо гром из-под ног.

— Видишь, какой он трус, — сказал Зинзивер Зиньке. — А ты его испугалась. Он нам не враг.

НОЯБРЬ

Враг — и страшный враг — появился в лесу в следующем месяце. Старый Воробей назвал этот месяц ноябрём и сказал, что это третий, и последний, месяц осени.

Враг был очень страшный, потому что он был невидимка. В лесу стали про-

падать и маленькие птички и большие, и мыши, и зайцы. Только зазеваается зверёк, только отстанет от стаи птица — всё равно, ночью, днём ли, — глядь, их уж и в живых нет.

Никто не знал, кто этот таинственный разбойник: зверь ли, птица или человек? Но все боялись его, и у всех лесных зверей и птиц только и было разговору, что о нём. Все ждали первого снега, чтобы по следам около растерзанной жертвы опознать убийцу.

Первый снег выпал однажды вечером. А на утро следующего дня в лесу недосчитались одного зайчонка.

Нашли его лапку. Тут же, на подтаявшем уже снегу, были следы больших, страшных когтей. Это могли быть когти зверя, могли быть когти и большой, хищной птицы. А больше ничего не оставил убийца — ни пера, ни шерстинки своей.

— Я боюсь, — сказала Зинька Зинзи-веру. — Ох, как я боюсь! Давай улетим

скорей из лесу, от этого ужасного разбойника-невидимки.

Они полетели на реку. Там были старые дуплистые ивы-ракиты, где они могли найти себе приют.

— Знаешь, — говорила Зинька, — тут место открытое. Если и сюда придёт страшный разбойник, он тут не может подкрасться так незаметно, как в тёмном лесу. Мы его увидим издали и спрячемся от него.

И они поселились за речкой.

Осень пришла уже и на реку. Ивы-

ракиты облетели, трава побурела и поникла на берегах. Снег выпадал и таял. Речка ещё бежала, но по утрам по берегам её был ледок. И с каждым морозцем он рос. Не было по берегам и куликов. Оставались ещё только утки. Они крикали, что останутся тут на всю зиму, если река вся не покроется льдом. А снег падал и падал — и больше уж не таял.

Только было синички зажили спокойно, вдруг опять тревога: ночью неизвестно куда исчезла утка, спавшая на том берегу, — на краю своей стаи.

— Это он, — говорила, дрожа, Зинька. — Это невидимка. Он всюду — и в лесу, и в поле, и здесь, на реке.

— Невидимок не бывает, — говорил Зинзивер. — Я выслежу его, вот постой!

И он целыми днями вертелся среди голых веток на верхушках старых ив-раakit: высматривал с вышки таинст-

венного врага. Но так ничего и не заметил подозрительного.

А тут вдруг — в последний день месяца — стала река. Лёд разом покрыл её и больше уж не растаял.

Утки улетели ещё ночью.

И тут Зиньке удалось наконец уговорить Зинзивера покинуть речку: ведь теперь враг мог легко перейти к ним по льду. И всё равно Зиньке надо было в город: узнать у Старого Воробья, как называется новый месяц.

ДЕКАБРЬ

Полетели синички в город.

И тут никто, даже Старый Воробей, не мог им объяснить, кто этот невидимый страшный разбойник, от которого нет спасенья ни днём, ни ночью, ни большим, ни маленьким.

— Но успокойтесь, — сказал Старый Воробей. — Здесь, в городе, никакой невидимка не страшен: если даже он посмеет явиться сюда, люди сейчас же застрелят его. Оставайтесь жить с нами в городе. Вот уже начался месяц декабрь — хвостик года. Пришла зима. И в поле, и на речке, и в лесу теперь голодно и страшно. А у людей всегда найдётся для нас, мелких пташек, и приют и еда.

Конечно, Зинька с радостью согласилась поселиться в городе и уговорила Зинзивера. Сперва он, правда, не соглашался, хорохорился, кричал:

— Пинь-пинь-черр!
Никого не боюсь! Ра-
зыщу невидимку!
Но Зинька ему ска-
зала:

— Не в этом дело, а вот в чём: ско-
ро будет Новый год. Солнышко опять
начнёт выглядывать, все будут радо-
ваться ему. А спеть ему первую весен-
нюю песенку тут, в городе, никто не
может: воробьи умеют только чири-
кать, вороны только каркают, а галки
галдят. В прошлом году первую весен-
нюю песенку солнцу спела тут я.
А теперь её должен спеть ты.

Зинзивер как крикнет:

— Пинь-пинь-черр! Ты права. Это я
могу. Голос у меня сильный, звонкий—
на весь город хватит. Остаёмся тут!

Стали они искать себе помещение. Но
это оказалось очень трудно.

В городе не то что в лесу: тут и зи-
мой все дупла, скворечни, гнёзда, даже
щели за оконцами и под крышами

заняты. В том воробьином гнёздышке за оконницей, где встретила ёлку Зинька в прошлом году, теперь жило целое семейство молодых воробьёв.

Но и тут Зиньке помог Старый Воробей. Он сказал ей:

— Слетайте-ка вон в тот домок, вон — с красной крышей и садиком. Там я видел девочку, которая всё что-то ковыряла долотом в полене. Уж не готовит ли она вам — синничкам — хорошенькую дуплянку?

Зинька и Зинзивер сейчас же полетели к домику с красной крышей. И кого же они первым делом увидели в саду, на дереве? Того страшного бородатого охотника, который чуть на смерть не застрелил Зинзивера.

Он одной рукой прижимал дуплянку к дереву, в другой держал молоток и гвозди. Он наклонился вниз и крикнул:

— Так, что ли?

И снизу, с земли, ему ответила то-неньким голоском Манюня:

— Так хорошо!

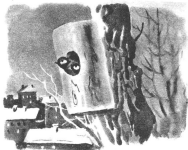
И бородатый охотник большими гвоздями крепко прибил дуплянку к стволу, а потом слез с дерева.

Зинька и Зинзивер сейчас же заглянули в дуплянку и решили, что лучшей квартиры они никогда и не видели: Манюня выдолбила в полене уютное глубокое дуплишко и даже положила в него мягкого, тёплого пера, пуха и шерсти.

Месяц пролетел незаметно: никто не беспокоил тут синичек, а Манюня каждое утро приносила им еду на столик, нарочно приделанный к ветке.

А под самый Новый год случилось ещё одно — последнее в том году — важное событие: Манюнин отец, который иногда уезжал за город на охоту, привёз невиданную птицу, посмотреть на которую сбегались все соседи.

Это была большущая белоснежная сова — до того белоснежная, что когда охотник бросил её на снег, сову

только с большим трудом можно было разглядеть.

— Это злая зимняя гостя у нас, — объяснял отец Манюне и соседям: — полярная сова. Она одинаково хорошо видит и днём и ночью, и от её когтей нет спасенья ни мыши, ни куропатке, ни зайцу на земле, ни белке на дереве. Летаёт она совсем бесшумно, а как её трудно заметить, когда кругом снег, сами видите.

Конечно, ни Зинька, ни Зинзивер ни слова не поняли из объяснения бородатого охотника. Но оба они отлично разобрали, кого убил охотник. И Зинзивер так громко крикнул: „Пинь-пинь-черр! Невидимка!“, что сейчас же со всех крыш и дворов слетелась все городские воробьи, вороны, галки — посмотреть на чудовище.

А вечером у Манюни была ёлка, дети кричали и топали, но синички несколько на них за это не сердились. Теперь они знали, что с ёлкой, украшенной огнями, снегом и игрушками, приходит Новый год, а с Новым годом возвращается к нам солнце и приносит много новых радостей.

150+

Цена 1-р. 80 к.

БИБЛИОТЕЧКА ДЕТСКОГО САДА

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Статистический редактор Г. Карелина. Художественный редактор Г. Вайер. Технический редактор М. Кутузова. Корректоры Э. Кавалерская и Е. Трубицынская. Сдано в набор 2/III 1949 г. Подписано в печать 10/1 1950 г. 4М. в. л. 11,24 10-101. 22. Тираж 100 000 экз. АБДТО. Цена 75 коп.

Фабрика детской книги Детиздат, Москва, Сухомлинский пер. 48